

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Ellina Graypel

Interviewer: Julia Kanin

<https://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/ellina-graypel>

Content © 2021 Coney Island History Project.

All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission. Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юлия Ханина: Это Исторический Проект Кони Айленд. Меня зовут Юлия Ханина. И сегодня мы разговариваем с Эллиной Грейпел, с поэтом, музыкантом, и композитором. Здравствуйте, Эллина!

Эллина Грейпел: Здравствуйте, Юлия.

ЮХ: Расскажите немного о себе, о том, чем Вы занимаетесь.

ЭГ: Мне очень приятно, что Вы у меня в мире, в моей квартире на Кони Айленд. В нашей эрии, которую я очень люблю. И спасибо, что в проекте History of Coney Island буду присутствовать тоже я. Каждый человек не думает, что мы – часть истории, потому что у нас у каждого своя история. И когда-то в детстве я поняла, что жить без искусства, без музыки, и без творчества я, наверное, никогда не смогу. И в этом вся я. В этом мире, в искусстве, творчестве, я прожила всю жизнь. Вот как бы с трех лет я была на сцене. И без сцены я не могу.

ЮХ: Расскажите о своем детстве. Вот каким оно было? Каким оно Вам запомнилось?

ЭГ: Детство у меня было детством. Родилась я, как это ни странно, в России, но никогда там не была. Мои родители были в гостях у моей бабушки с дедушкой. И я родилась на Волге, под городом Саратовом. И, наверное, пробыла там пару дней, и на этом все мое русское существование закончилось. И мы поехали в Беларусь. Детство, мое раннее детство началось в Беларуси. Там началось мое становление как музыканта и как композитора. Когда-то (мы уже были в Минске на то время) меня попросили написать песню. Я уже на то время писала песни. Песни я стала писать очень рано, и сразу они как-то так понравились и прославились. И я стала ведущей нескольких телевизионных программ на белорусском телевидении. И однажды меня попросили написать песню для кинофильма. Такая режиссер Людмила Шевцова. И мне ужасно (мне, наверное, было лет четырнадцать), мне ужасно хотелось чтобы ей понравилась и она взяла мои песни на кинофильм. И я написала ей песен пятьдесят! Чтобы хотя бы одна понравилась. И, действительно, одна понравилась, которая называлась «Дорога к дому.» Этот кинофильм получил grand prix на международном фестивале в Ялте. И моя песня прозвучала по всему этому региону восточной Европы. Мне было очень приятно. То есть вот так началось мое признанное детство. А потом родители переехали в Америку и вместе с родителями переехала и я. Конечно, я понимала, что я должна найти себя в искусстве в Америке. И первый концерт, который я дала – это

был концерт на русском языке. Пришли люди и слушали меня. Но они плакали. И мне было немного лет, и мне всегда казалось... как же люди не могут плакать от моего творчества. Творчество не должно приносить слезы. Творчество должно приносить радость, понимание, сопереживание, но не слезы. Потому что плакали они от того, что им было... такое вот это чувство ностальгии. Они были более взрослые, пожилого возраста. И я себе сказала, что я не пишу больше на русском языке, а иду с моим искусством в американскую аудиторию. И вот я здесь.

ЮХ: Когда у Вас именно появилось желание заниматься творчеством и с чего именно Вы начали?

ЭГ: У меня удивительная история. Как у каждого человека, у меня удивительная история. В детстве я ничего не любила в музыке. Не любила искусство, не любила ничего. Все, что я хотела – это играть с мальчишками в футбол. И мне это было занимательно. Я не хотела читать, я не хотела ничего. И вот однажды я помню это как сейчас. Моя мама она учитель, на то время была русского языка и литературы. И каждый учитель, они плохо слышат. У них слух... потому что все время звонки. И вот ей назвонило, и поэтому в нашем доме телевизор был очень громким. А я стояла одна на улице. Вдруг я услышала музыку. Эта музыка впервые затронула мое сердце. Я подняла голову и увидела звезды. Это был Бетховен. Это была лунная соната Бетховена. Я увидела звезды, я услышала эту музыку, громкую музыку. Она проникла в мое сердце до такой степени, что я заплакала. Я никогда не плакала! Я дралась, я была девчонкой-бандиткой, пацанкой, которая бегала с мальчишками! Но в этот момент я просто плакала. И все. И с того момента я заболела музыкой.

ЮХ: Сколько Вам было лет?

ЭГ: Мне было восемь. Я пошла в музыкальную школу. Я не любила рояль, поэтому я и сейчас играю на гитаре, на арфе. Конечно, я играю и на рояле, я пишу на рояле. Но я выбрала всегда струнные инструменты.

ЮХ: На скольких инструментах можете играть?

ЭГ: Ох, кто знает, спрашивать музыканта на скольких инструментах он играет это приблизительно как спрашивать гурмана какая его любимая еда! Понятно? (смеется) Как-то все играет в наших руках. Не очень, правда, хорошо, но играет.

ЮХ: Какую роль в Вашем творчестве играли родители – в Вашем успехе, которого Вы достигли, и будучи еще в Минске?

ЭГ: Мои родители собирались по вечерам, моя мама и мой папа. И пели украинские песни. Они были оба с Украины. Это было так красиво! Они раскладывали это на голоса. Вот эти вот народные, тихие, украинские песни. И с этого началась моя любовь к фольклору. Так что мои родители заставили мое сердце любить то, что, наверное, чистое и искреннее. С них началась моя музыка, а с Бетховена началась моя настоящая любовь к искусству.

ЮХ: Когда Вы переехали в США и где Вы вначале поселились?

ЭГ: Мы переехали в 90х годах, в начале, в самом начале. И мы жили в городе Сейнт-Луис, *Missouri*. Это удивительный город. Там я начала выступать с моими программами. В то время это было более *country*-музыка. И для меня это было как бы становлением. Когда мне было восемнадцать лет, мой приятель, владелец музыкального магазина, позвал меня и сказал: «Эллина, иди сюда! Ты должна вот пойти со мной. Я должен тебя с кем-то познакомить.» Ну, в восемнадцать лет ты идешь везде со всеми! Естественно, я пошла. И вот мы пришли в клуб, который назывался *Blueberry Hill*. Зашли за сцену. Я уже была крутая, потому что меня уже в то время за сцену заводили. Я уже была таким громким музыкантом в *Missouri*! И пожилой человек стоял ко мне спиной и его сын. И вот пожилой человек повернулся ко мне, подал мне руку, и сказал: «Hi! My name is Chuck, Chuck Berry.» «Меня зовут Чак, Чак Берри.» Тот, который написал *Go, Johnny, go*. Которой сделал самый первый для меня стиль *rockabilly*, который я на всю жизнь сохранила в своем сердце. Который согласился смотреть на меня, на ту малютку, как на что-то серьезное.

ЮХ: На тот момент, Вы уже выступали на английском языке исключительно, или еще выступали на русском?

ЭГ: На тот момент, к восемнадцати, девятнадцати, двадцати годам, я выступала сугубо на английском языке. У меня не было русской программы. Русская программа появилась, так как, в прочем, и красивый русский язык, появилась намного позже, когда я уже оказалась в Нью-Йорке.

ЮХ: Насколько вообще тяжело дался переход с одного языка на другой, потому что я понимаю, насколько это важно для творческого человека - это же другой синтаксис, совершенно другая структура языка. Вот как этот переход Вам дался?

ЭГ: Когда мы юны, мы не думаем о языках. Мы не думаем ни о чем. Мы думаем о том, чтобы начать болтать. Болтать надо со сверстниками. Мы сидели в школе и болтали. Мне было совершенно все равно с кем говорить, потому что я люблю поболтать. Так что мне не было проблемой восприятие языка. Мне Бог дал то, что я говорю на многих языках. Мне очень просто. Я – музыкант. У меня музыкальный слух, и поэтому услышав какие-то языки достаточное количество времени, я их просто хватаю. Так у меня произошло с другими языками, также произошло и с английским.

ЮХ: А как Вы переехали в Нью-Йорк?

ЭГ: Это история!

ЮХ: Расскажите!

ЭГ: У меня был тур от *Borders Books and Music*. Это было мой *signing contract*, и я по всем городам Америки ездила. Были в Чикаго, были во всех абсолютно городах. И мне нужно было приехать в Нью-Йорк. Мой концерт был 13го сентября 2001 года. Это был концерт в *Borders Books and Music* в *Twin Towers*. И естественно, мой концерт не состоялся, и меня перевезли на другую площадку. Тоже *Borders Books and Music*, тоже в Нью-Йорке. И вот я приехала в Нью-Йорк и я вижу людей. И я вижу трагедию в их глазах. Я вижу страх. Я вижу боль. Серость, город горит. И серость в чувствах человеческих. Страх, необыкновенный

страх. И я понимаю, что моя миссия как музыканта развеять это. Моя миссия – быть рядом. И я отыграла концерт. Это был концерт мой. Я заставила людей улыбаться. Он был замечательный! Люди подходили ко мне и говорили, «Господи, спасибо. Вы дали нам ощущение нормальности. Вы привели нас в чувство, что все вот это вот будет еще хорошее. Вы дали нам ощущение радости в жизни. Спасибо Вам за эту радость.» И тут со мной произошла удивительная история. Ко мне подошла женщина и сказала, «Я же знаю, что Вы – русская. Я же знаю, я же чувствую, что Вы – русская. Конечно, Вы говорите по-английски. Да, Вы поете по-английски, но я знаю, что Вы – русская. А нет ли у Вас русского репертуара?» И я тогда себе сказала, «Наверное, существуют другие, для кого я хочу писать песни на русском языке.» Потому что сейчас пришло время, что меня не будут… меня будут понимать. И от моих песен будут плакать только если я туда вложу слезы. А если я вложу туда радость, то они будут радоваться со мной. И у меня могут быть единомышленники. И к этим единомышленникам я уже приехала позже, и теперь уже даю концерты даже сугубо на русском языке. И мои туры были по университетам, которые изучали русский язык. Ко мне подходили дети и говорили, «По вашим сиди я изучаю русский язык.» Или «Я слушаю Ваши песни на русском языке, и вот мне очень нравится эта поэзия.»

ЮХ: Но Вам пришлось, я так понимаю, восстановить немножко русский язык, Вы в одном из интервью об этом упоминали.

ЭГ: Русский язык уходит. Если ты живешь годами… ты живешь в американском обществе, ты работаешь в американском обществе, ты встречаешься с американскими людьми. Ты везде общаешься по-английски, то английский доминирует в твоей жизни. На каком языке мы будем думать, если все мысли везде на английском? На английском. И русский, конечно, не доминировал в моей жизни. Мне было сложно. Мне было сложно именно делать ту поэзию, и разговаривать так, как было необходимо. Поэтому я приехала в Кони Айленд, нашла себе русское окружение, нашла себе русские работы, подработки, заработки, нашла себе русских друзей. И, естественно, пошла в колледж, изучила русский язык побольше. Изучила русскую поэзию, грамматику, которая у меня хромала. И, естественно, моя мама.

ЮХ: Сейчас больше выступаете на английском или на русском, или на обоих языках?

ЭГ: На обоих языках. Я пытаюсь очень часто переводить американские песни на русский, чтобы русская аудитория понимала о чем идет речь. Почему автор свой талант, свою гениальность вложил в эту песню. Леонард Коэн со своей песней Аллилуйя. Я перевела его на русский язык потому что людям необходимо знать. И, естественно, я сделала совершенно обратное: я перевожу Машину Времени и довожу до американской аудитории. Я перевожу белорусские песни, которые люди должны знать, что существует культура, существуют культуры. И эти культуры я доношу до country аудитории, до людей, которые никогда не слышали, что такое Россия, или слышали Россию с такой же негативной стороны, никогда не слышали, что такое Беларусь, и никогда не слышали музыку этих стран. Вот этим я занимаюсь на своих концертах: разные песни, разные переводы, на разных языках, наряду с моими песнями Эллины Грейпел.

ЮХ: Что Вас вдохновляет больше всего?

ЭГ: Ох! Очень сложный вопрос. Все! Вот сейчас мне приятно общение с Вами, и у меня будет замечательное чувство, и вот наверное вот это чувство называется вдохновением. Я даже... я никогда не могу понять, что такое вдохновение. Это то, что, наверное, нам приятно, заставляет двигаться. Вдохновение бывает или плохим, или хорошим. Но оно всегда заставляет нас встрепенуться и идти дальше. Поэтому я не знаю, что меня вдохновляет, но что-то же все-таки происходит в этой жизни магического. Магия.

ЮХ: Когда Вы переехали на Кони Айленд, и вообще в район Си-Гейт?

ЭГ: Когда я приехала в Нью-Йорк, я хотела быть в Бруклине. Мне необходим океан, я романтик. Я должна быть здесь, я должна быть с чайками, я должна быть там, где романтизм. Где романтизм? Кони Айленд. Вот эти вот все постройки, *maintenance*, наши улицы, которые в постоянном огне. Но этот огонь, он небольшой огонь большого города. Он огонек, который вот как чистое сердце, как вот те вот украинские песни, которые распевали мои мама с папой. Это другой фольклор. Это другая музыка. Это город в городе. Кони Айленд это маленький город в большом городе, который отличается своим совершенно другим насыщенным светом.

Вот еще один повод, почему я здесь. Когда-то я мечтала сыграть в Carnegie Hall. Мечтала потому что приехав в Нью-Йорк, я в него попала после своего концерта. Мой концерт был в таком неформальном книжном магазине поэтому выглядела я совершенно неформально и проходя рядом с Carnegie Hall мне сказали: «Хочешь билет?» Я, недолго думая, сказала: «Пфф! Двадцать долларов? Почему нет? Carnegie Hall! Гендель, Messiah! Почему нет?» И я попала в Carnegie Hall. И зайдя туда, я поняла, я почти почувствовала на себе Чайковского. Я услышала эту великолепную музыку. Я увидела акустику Карнеги Холл. Я поняла, что я хочу сыграть в Карнеги Холл. Это была моя большая мечта. Закончился концерт. Я в слезах наслушалась Аллилую. И вышла с этого концерта Генделя. И одна часть публики пошла в одну дверь. А мы небольшой частью публики пошли в другую. А так как выглядела я совершенно неформально и сдала свою гитару там, где сдают одежду, то я шла, шла, шла, шла, шла, шла, шла. И уже пошел такой самый знаменитый анекдот: как попасть в Карнеги Холл? Practice, practice. Как выйти из Карнеги Холл? Было довольно сложно. И вот мы спускались, спускались, и вдруг перед нами была дверь закрытая. Естественно, мы эту дверь открыли, небольшая группа людей. И мы оказались за сценой Carnegie Hall. Это было совершенно удивительное ощущение, когда люди разных национальностей только что отыграли Генделя. И мы среди них! Я выглядела неформально, поэтому меня приняли как помошь со сцены. И я помогала носить музыкальные инструменты, и чувствовала себя совершенно удивительно. И вот в 2016 году мне предлагают сыграть Carnegie Hall. И я понимаю, что я хочу сыграть Carnegie Hall со своей программой. И это был самый значимый концерт в моей жизни. Когда в 2016 году я сделала программу, которая называлась Bohemian night at the Carnegie Hall. Я пригласила своих приятелей, друзей, которые вот именно такие же этнические музыканты со всего мира. И думала, Господи, ну вот кто пойдет на такую программу? Кому она интересна? Ну вот мне было так страшно, что я вот зайду вот в этот знаменитый Холл, и там никого не будет. Потому что каждый музыкант часто думает об этом. И вот за день до моего концерта звонит мне мой менеджер, promoter,

и говорит: «Эллиночка, простите, но у нас больше нет ни одного билета и мы не можем взять ваши контрамарки.» Я говорю: «Как нет? Мы же пригласили людей.» Он говорит: «Это sold out show.» И вот таким образом I sold out a show at the Carnegie Hall. И Carnegie Hall, они сказали, что в любой момент, когда я еще хочу там сыграть, I'm welcome. Так что это большая честь для каждого музыканта. Нью-Йорк подарил мне это счастье.

ЮХ: Какое у Вас было первое впечатление, когда вот Вы впервые увидели Кони Айленд?

ЭГ: Я его не увидела, я его прочувствовала. И здесь осталась. Никуда не ушла.

ЮХ: То есть не было каких-то определенных достопримечательностей, или что то...Вы увидели океан?

ЭГ: Океан был моим Boardwalk. Ведь все это лето, 2020, когда музыканты не могли играть, мне необходимо было играть людям. Я видела, что происходит. Это же был кошмар! И наша миссия точно также, как тогда у меня на 11е сентября, мы выходили и играли, играли, играли. Мы играли полицейским, когда им было плохо. Мы играли пожилым людям, которым надо было хоть как то дышать этим свежим воздухом. Мы делали то, что делает нормальный музыкант: мы приносili красоту.

ЮХ: Вы часто выступаете на Кони Айленд?

ЭГ: Да. Я, по крайней мере, раз в месяц я всегда выступаю в баре, тут в *local* бар, который называется Anyway кафе. Не совсем Кони Айленд, но да, здесь в Бруклине. Я большой *supporter* Бруклинских бизнесов. Я считаю, что это необходимо, и с удовольствием буду им помогать. Всем. Бруклин должен расти именно здесь. Именно наш Бруклин должен расти.

ЮХ: Каким видите Кони Айленд через несколько лет?

ЭГ: Знаете, я вижу изменения. Я их чувствую. Я вижу большие дома, которые построены рядом с нашими малютками. Я знаю, что будет *ferry*. И все это, и все эти изменения, люди готовятся к этим изменениям. Но очень бы не хотелось, чтобы Манхэттен к нам приехал. Очень бы хотелось, чтобы он остался таким домашним. Кони Айленд – домашний. Ну, вот эти изменения я чувствую, я вижу. Ну посмотрим, посмотрим. Совсем даже вот... Любые изменения — это что-то новое. Так что, it's always exciting. Всегда, всегда радостно смотреть, что что-то новенькое происходит в жизни.

ЮХ: В чем Ваша миссия как музыканта, как композитора, как поэта? Можете немного об этом рассказать?

ЭГ: Большой вопрос. Очень большой. Мне кажется, я уже затронула во многом. Быть там, где нужно. Быть *first responder*. Потому что первое, что человеку нужно это ощущение жизни и красоты. Ощущение правильности и добра, тепла, и понимания. Это можно воспроизвести только звуком. То, что человеческое ухо воспринимает на сто процентов. Слова они слова, а музыка, вот это вот правильное вибрация правильной энергии. То, что делает музыку музыкой. Моя миссия – быть. Быть тем, кто я есть в данный момент и всегда. И быть тем, кто я есть для других, если это им нужно, конечно. Не нужно, чтобы нас было много. Нужно чтобы нас было именно достаточно, именно в тему.

ЮХ: Изменилось ли как-то направление, в котором Вы поете по сравнению с тем, как это было раньше и сейчас?

ЭГ: Конечно, конечно. Я всегда ищу что-то новенькое. Мне нравятся разные направления в музыке. Вот еще. Мы же, музыканты, нас часто нанимают на работу, и на работу меня нанимают в разных музыкальных жанрах. То есть я работаю в том жанре, в котором меня нанимают, или в том жанре, в котором я работаю сейчас. Мое направление конечно изменилось потому что я экспериментирую. Я ищу всегда что-то новенькое. Но миссия и цель, и ощущения... Я иду к этому, и я иду так. Ты всегда остаешься самим собой. Но поиск других жанров, других направлений это всегда интересно. То есть да, изменилось, но цель осталась та же.

ЮХ: И расскажите немного о своих творческих планах на будущее.

ЭГ: Сейчас я вот нахожусь в данный момент на турне. Мы ездим. Вчера мы приехали из Поконос. Сегодня у меня выходной. В среду мы репетируем. На следующей неделе мы едем в Балтимор. Через неделю мы едем, играем в *New Jersey*. Через пару недель мы играем в Атланта. Потом мы едем в Сарасоту, и *St Petersburg*, Флорида. А в Нью-Йорк возвращаемся на Хэллоуин. Я играю Хэллоуин концерт вот в этом Бруклинском, нашем Энивей кафе. Потом мы едем в Майами. И всегда есть планы. В декабре мы опять возвращаемся в Нью-Йорк. Мы ездим. Музыкант должен всегда... Музыканта манит дорога. Мы ездим.

ЮХ: Как-то сильно коснулась пандемия Вашего творческого процесса и ваших гастролей, потому что мы понимаем, что это затронуло наверное абсолютно всех?

ЭГ: Затронуло всех. И, конечно, во-первых, я очень сильно заболела. Я перенесла эту пандемию очень тяжелым образом. И понимаю, как тяжело людям. Очень понимаю. С воспалениями легких и со всем... я это прекрасно понимаю. Конечно, всех коснулось и финансово, и морально, и эмоционально. Всех. И когда я вот вышла из этого состояния болезни, мне очень хотелось помочь другим. И коснулось, ну может быть, может быть, она нас сделала лучше. Тех, кто мог стать лучше, она сделала нас лучше. Тех, кто стал хуже, она сделала нас хуже. В пандемии мы все столкнулись с самим собой. И то, что вынесли вот эти вот уроки, это, как говорится, зависит от нас.

ЮХ: Интересно, как Вы пережили Сэнди. Вы проживали здесь уже в этот момент? Как вообще все это случилось?

ЭГ: Это был, наверное, самый большой шок, который я когда-то пережила, с потерей машины, с тем, что нас затопило, с тем, что мы не могли выйти из дома. Это было очень страшно. Очень страшно. Когда вот мой кот на всю жизнь теперь боится воды. И я понимаю как мощна стихия океана. К разговору, о вдохновении, я написала одни из самых грустных моих песен и тяжелых. Потому что мое сердце просто обливалось слезами за то, что произошло. Это была своеобразная пандемия, которая произошла неожиданно. Это страшно. Это то, к чему мы никогда не готовы. Это то, что мы видим в страшных снах. Но пережив это, мы опять-таки столкнулись с самими собой. С самими собой. Что дальше? Где мы? Как мы? В понимании того, что мы постоянно ходим на таком вот лезвии бритвы. Ведь

мы же живем на океане. Но мы живем на океане. Мы теперь знаем точно с чем мы можем столкнуться. И наш выбор жить здесь или не жить.

ЮХ: Вы находились здесь во время Сэнди? Или Вы эвакуировались через какое-то время или до?

ЭГ: Мы, к сожалению, не эвакуировались. И мы находились в самом эпицентре. И я пыталась достать людей из воды, потому что у нас, слава Богу, есть вторые этажи. Машина, естественно, вся утонула. Потом я спускала людей (потому что я жила в то время на втором этаже). Говорить о том, что произошло очень сложно, но слава Богу, что это прошлое. И слава Богу, что Сэнди уже позади.

ЮХ: Эллина, расскажите как Вы получили награду Women of Distinction?

ЭГ: Наверное, New York принес мне такую благодарность за то, что мы служим людям. За то, что во время вот этого pandemic, мы все время делали концерты. Мы делали концерты online. И нас смотрели тысячи людей, комментировали, Нью-Йоркцы с благодарностью писали, даже присылали нам деньги, потому что знали, как сложно нам сейчас вот без наших концертов. И вот они обратились ко мне с благодарностью. И дали мне эту награду.